

Глава 54. Произведение. Одежда

Закат над островом горел неправдоподобно ярко. Из панорамных окон верхнего этажа небо казалось многослойным, переливающимся от багрянца к свинцу. Зрелище завораживало. Но в гостинной, залитой этим огнём, никто не смотрел в окна. Тяжесть висела в воздухе гуще табачного дыма.

Фан Божэнь сидел в шёлковом халате. Волосы ещё не высохли после душа, лицо осунулось от усталости. Он лениво кивнул в сторону У Хуая:

— Теперь текстом занимается Сяо У. Со всеми вопросами, Сяо Цю, обращайся к нему.

В номере Тан Кэ они уже встречали У Хуая. В памяти Цю Цзялэ о нём почти ничего не отложилось, но к счастью, сейчас у них был напарник, который умел читать людей.

Согласно досье Ван Тао, после смены профессии У Хуай шёл ровно: несколько хороших проектов, имя в титрах, быстрое восхождение. Тридцать лет для сценариста с таким весом — возраст почти юношеский. Такие, как Фан Божэнь, что выстреливают с первой работы, — редкость. Тут нужны и талант, и удача. А У Хуай, бывший фотограф, сумел за два года пробиться в картину уровня «Произведения» и получить соавторство рядом с мэтром. Это впечатляло.

От У Хуая веяло той самой небрежной богемностью, которая бывает у людей, привыкших смотреть в объектив. Светло-серая футболка, свободные чёрные брюки — тоже, похоже, готовился ко сну. Он кивнул Синь Синю:

— Линию Ян Иньчуаня пока веду я.

— И как движется дело? — оживился Синь Синь.

У Хуай, следуя негласному указанию боса, уклончиво ответил:

— В процессе.

Оба ясно показали что разговор окончен. Но Синь Синь не из тех, кто отступает перед молчанием. Улыбка не сползла с лица:

— На каком этапе правки?

Брови У Хуая слегка дрогнули. Он улыбнулся — вежливо, пусто — и замолчал. Просто смотрел. Синь Синь наткнулся на глухую стену. Ни шага вперёд, ни назад. В этой индустрии наивных не держат. Так и замерли, улыбаясь друг другу, секунд на тридцать.

Первым отступил Синь Синь. Ухмылка стала шире:

— Секрет фирмы?

У Хуай расслабил плечи:

— Правка текста — работа кропотливая. Быстро не делается.

Фан Божэнь всё это время сидел с прикрытыми глазами, будто дремал. Ни слова не сказав. Но его молчание весило больше любых реплик. Ван Тао не ошибся: формально сценаристов четверо, от трёх разных групп, но реальная власть — у Фан Божэня. Пока он не кивнёт, голоса остальных ничего не стоят. Ссориться с ним в этой сфере означало подписать себе приговор.

Синь Синь поняв, что сегодня больше ничего не выжать, скосил глаза на Ю Ю:

— Поздновато уже...

— Пора на боковую. — подхватил напарник.

Обменявшись у двери вежливыми кивками, Синь Синь, изображая предельную заботу, добавил:

— Господа, вечером поосторожнее. Лучше без нужды не выходить. Вчера ночью на первом этаже слышали странные звуки. Вы на четвёртом тоже прислушивайтесь.

Лица обоих мгновенно потемнели.

— Спасибо. — Фан Божэнь быстро вернул маску безупречной вежливости. — И вы берегите себя.

Замок щёлкнул. Синь Синь тут же сбросил улыбку:

— С виду интеллигент, но не простак.

Ю Ю, молча наблюдавший за ними всё это время, тихо произнёс:

— Фан Божэнь переоделся.

— Что? — Синь Синь резко обернулся.

— Обсудим внизу.

На улице быстро темнело. Синь Синь глянул на дверь четвёртого этажа. В сгущающейся темноте она казалась размытой и тяжёлой. Внутри неприятно ёкнуло. Они спустились по лестнице, не размыкая пальцев.

Синь Синь прижался ближе, и прошептал на ухо:

— Брат, а если хороший человек становится призраком, он ведь и духом останется хорошим? Как режиссёр Тянь. Значит, и сестра Тан нам не навредит?

В прошлый раз Чжао Хунвэй и Сян Чэнь ещё при жизни были стервятниками. Став призраками, они только озлобились. А Тянь Мин здесь просто вспылел на площадке, но в целом был нормальным, поэтому и призрак получился вменяемый.

Ю Ю глянул на него:

— И по каким критериям ты определяешь, кто хороший, а кто нет?

— Интуиция. — Синь Синь не упустил случая сделать комплимент. — Я тебя с первого взгляда раскусил. Хороший.

Ю Ю отвернулся:

— Тогда интуиция у тебя никудышная.

— Но ты же сам говорил, что веришь моим суждениям?

— Я такого не говорил.

И это была чистая правда. Тогда он действительно промолчал.

Человек, вцепившийся в его рукав, тихо рассмеялся:

— Просто вслух не сказал. Молчание — знак согласия.

Как ни крути, глубже уже не втянешься. Ю Ю решил не продолжать, просто потянул спутника за собой и ускорил шаг.

Днём, пока раздавали еду, на вилле ещё теплилось подобие жизни. Но стоило опуститься темноте — и всё замерло. Будто разом выкачали воздух и звук.

Синь Синь не любил темноту. Он жался к плечу Ю Ю, и ему всё мерещилось, что в этой черноте за спиной кто-то идёт. Рассудок твердил, что ему это только кажется, но тело уже дрожало от страха.

Ю Ю страха, похоже, не знал. Ни ночной тьмы, ни призраков. Пульс оставался ровным, походу сбиваясь лишь у самой черты, за которой выбора уже нет.

— Брат, у тебя стальные нервы. — прошептал Синь Синь, вцепившись ему в рукав. Ю Ю как раз тянулся к замку, когда рядом с ухом раздался очень тихий голос: — Ты, кстати, правда из спецназа?

Ю Ю: «...»

Дверь открылась. Из комнаты всё ещё тянуло лёгким ароматом цветочной воды. Он шагнул внутрь, увлекая за собой прилипшего к нему спутника, и повернулся, чтобы закрыть створку.

— Отпускай, — бросил он, не оборачиваясь. — Мы дома.

— Страшно, — не унимался Синь Синь. — Всё-таки мы оба мужики. Считаю меня побратимом, брат.

Ю Ю вздохнул. Синь Синь сменил тон:

— Ты раньше говорил, что Фан Божэнь переоделся. Что ты имел в виду?

— А ты разве не заметил? — Ю Ю защёлкнул дверь. — Днём, когда он поднимался на пятый, на нём была другая одежда. Не та, что утром.

— А? — Синь Синь замер. Он попытался восстановить картинку. Белая футболка, светлые льняные шорты. Повседневный, расслабленный образ. Точь-в-точь как в тот вечер, когда они впервые видели его с женой.

— На утренней футболке был нагрудный карман. — уточнил Ю Ю. — И крой штанов другой.

Синь Синь похолодел. В памяти оба образа сливались в один.

— Значит... — Синь Синь нахмурился. — Фан Божэнь...

— Сначала я решил, что он просто принял душ и переоделся. — сказал Ю Ю. — Но наверху волосы у него ещё мокрые, а значит, душ он принял только что.

— То ли у него мания чистоты, и он моется после каждого выхода, — спокойно продолжил Ю Ю.

— То ли переоделся не из-за душа. А раньше. — Синь Синь в упор посмотрел на него. — И причина...

— Его одежда испачкалась. — договорил Ю Ю.

Синь Синь резко втянул воздух. Голова опустилась, мозги заработали быстрее, слова полились сплошным потоком:

— Утром на четвёртом двое «занимались большим делом». Потом помылись, сменили одежду. Убийца Е Сюаньфэна тоже мог запачкаться. Неужели Фан Божэнь — один из них?!

— Когда мы спустились с четвёртого, те двое ещё были внутри. — Синь Синь начал выстраивать таймлайн. — Потом встретили Цзян Чи. Он сказал, что Фан Божэнь был на пляже, правил текст. Значит, в номере его не было.

— А если Цзян Чи соврал? — спросил Ю Ю.

Синь Синь поднял глаза.

— Не забывай, — напомнил Ю Ю. — Лю Чжэнсян уже врал насчёт Тан Кэ.

И правда. По его словам, она была чиста как лотос, ни с кем в группе не связана. Но новичку такого калибра не попасть в «Произведение» просто так. И уж точно не заставить «экранного императора» вроде Е Сюаньфэна играть на вторых ролях. Всё было сложнее. Версия Ван Тао звучала правдоподобнее. Рекомендация автора, личное одобрение Фан Божэня, связи, капитал — только так дебютантка могла вытянуть главную роль в проекте с таким составом.

— Я тогда заметил, как у Лю Чжэнсяна на секунду дрогнуло лицо. — нахмурился Синь Синь. — Но подумал, что он просто испугался наших вопросов.

— Или вспомнил о ком-то конкретном. — сказал Ю Ю. — О ком-то в этой группе, кто желал Тан Кэ смерти.

В голове Синь Синя кипела неразбериха, запутаннее любых закулисных интриг. Значит, смерть Тан Кэ — не попытка «заткнуть рот»? Их первые выводы снова оказались ошибочными?

— И ещё, — добавил Ю Ю. — Наш утренний трюк со шкафом, скорее всего, уже раскрыли.

— Что?! — вырвалось у Синь Синя.

Ещё один удар под дых — и мысли в голове у Синь Синя окончательно сплелись в узел. Ю Ю не стал ничего объяснять. Просто поднёс запястье к его лицу. Даже спустя сутки от кожи всё ещё тянуло приторным запахом цветочной воды.

Синь Синь замер. Ю Ю убрал руку. Слов не понадобилось.

Мозг Синь Синя окончательно отказался обрабатывать реальность. Он разжал пальцы, рухнул на диван и уставился в потолок:

— Всё. Перегрузка. Дайте мне просто полежать.

В темноте перед глазами плясали лица с четвёртого этажа. Все известные зацепки вели туда. Но кто именно? Подмена ножа. Отравление Тан Кэ. Убийство Е Сюаньфэна. Где связующее звено? В чём мотив этой цепочки?

Во-первых: Лю Чжэнсян врал. Связь Тан Кэ и Фан Божэня была глубже, чем казалось. Ван Тао уклончиво ответил, что Фан Божэнь «любит талантливых женщин». Это ведь не отрицание. Тогда кто здесь ненавидел Тан Кэ настолько, чтобы желать ей смерти?

Е Сюаньфэн вроде бы пересекался только с У Хуаем. Но тот вёл себя так, будто ничего не знал. Впрочем, если У Хуай и был убийцей, с его выдержкой он бы и не дрогнул. Какая тогда связь между ним и Тан Кэ? И не проскальзывала ли ложь в словах Ван Тао? Слишком гладко всё звучало.

Синь Синь нахмурился. Версии роились в голове, каждая цеплялась за факт, но ни одна не складывалась в картину. Слишком мало информации. Знаний не хватало.

Череп готов был лопнуть. Он вдруг скорчился, уткнувшись ладонями в волосы. В полумраке лица не разглядеть, но напряжение читалось в каждой жилке. Ю Ю молча наблюдал, затем слегка согнул колено и ткнул его в голень.

— Одержим?

— Не мешай. Пресс качаю.

Ю Ю лишь вздохнул.

Синь Синь выпрямившись, перевёл взгляд на напарника:

— Брат, ты правда заметил смену одежды Фан Боженя? А я даже не заметил.

Ю Ю помолчал, вчитываясь в его искреннее недоумение, и наконец приподнял веки:

— Наверное, потому что я из спецназа.

— Серьёзно? А какие войска?

— А как думаешь?

— Думаю, «Ванван Суйсуйбин*».

— ...

— Смешно тебе? — холодно спросил Ю Ю.

— Хе-хе.

* 旺旺 (Wàngwàng) — популярный китайский бренд снеков и напитков. В данном контексте упоминается продукт 旺旺冰 (Wàngwàng Sùisuibīng) — фирменное фруктово-ледяное мороженое на палочке от этой компании, которое буквально переводится как «Ванван: дроблёный лёд». Это один из самых узнаваемых детских десертов в Китае, и именно его названием Синь Синь в шутку отвечает на вопрос о «роде войск».

Ледяной взгляд заставил бы дрогнуть любого, но не Синь Синя. Он резко сел, задрал подбородок и впился в него неморгающим взглядом.

Ю Ю держался невозмутимо, но пальцы на колене невольно сжались. Он отвернулся:

— Отдыхай.

Синь Синь остался на диване, подперев щеку. Мысли метались: кем же он на самом деле работает? Когда дверь ванной закрылась за спиной Ю Ю, Синь Синь вскочил:

— Брат, мне страшно. Пойдём вместе!

Ю Ю как раз стягивал футболку, когда Синь Синь просочился внутрь, не прерывая поток слов:

— Значит, цветочной водой больше не брызгаемся? А то повсюду этот запах. Нас так легко вычислить. Не зря Ши Тай, когда лазил к Сян Чэню за уликами, не стал забивать запах... — Он поёжился. — А если призрак выскочит?

Ю Ю бросил футболку в корзину:

— Тогда реже на них натывайся.

— Режиссёр Тянь и Тан Кэ умерли позавчера ночью. — не унимался Синь Синь. — Их зона активности должна расширяться. Думаешь, они появятся сегодня? Тан Кэ могла понять, кто её отравил, и пойти сводить счёты?

Не успел он договорить, как ночь взорвалась.

— А-а-а!

Пронзительный крик разорвал тишину. Кожа на затылке у Синь Синя мгновенно онемела, и он вцепился в руку напарника.

Ю Ю одной рукой приобнял его за плечо, одновременно с этим резко повернувшись к окну ванной.

Крик шёл снаружи.

Женский крик.

<http://bllate.org/book/12899/1708596>